

прежних китайских работах рассматривалось влияние русской литературы на китайскую, но мало исследовалось воздействие китайской литературы на русскую. В докладе «Китай в творчестве С. Третьякова» Ли Инна (Пекин) говорила о произведениях поэта-футуриста С. Третьякова, в которых китайская тема стала лейтмотивом. Рассмотрев причины, вызвавшие у писателя интерес к Китаю, докладчица сосредоточила внимание на тонком анализе документального романа «Дэн Ши-хуа» и раскрыла особенности художественного подхода Третьякова, апологета «литературы факта», позволившие создать достоверный многогранный образ Китая начала XX века и сохранившие для нас многие детали жизни и быта того времени, о которых люди XXI века уже забывают.

Доклад японского участника, профессора Университета Хоккайдо Косино Го «Образ Китая в современной русской литературе», охватывает период с сороковых годов XIX века, когда вышел научно-фантастический роман В. Ф. Одоевского «4338-й год», по конец XX века. Ху Сюэсин (Шаньдун), прослеживая опыты по переводу китайской поэзии Н. Гумилевым, уловил уважение лидера акмеизма к китайской культуре и восхищение ею. Ван Лян (Пекин) в своем выступлении применил теорию «цы» и «хуа» к анализу лирики Фета с целью вскрыть философскую и эстетическую прелесть его поэзии. Доклад Е. Полтавец (Москва) «Даосская медитация над „Божеским и Человеческим“ в произведениях Л. Н. Толстого» перекликался с докладом У Цзалиня. В отличие от последнего, московский ученый рассматривал преимущественно черты типологического сходства и несомненные черты влияния китайской философии даосизма, которая являлась одним из духовных ресурсов художника-мыслителя Толстого, на некоторые его художественные произведения («Война и мир», «Божеское и Человеческое»). Основное место уделялось использованию даосской символики в художественных произведениях Толстого, а также сопоставлению приемов даосской медитации с изображением моментов «просветления» толстовских героев. Концепты

«Божеское» и «Человеческое» в произведениях Толстого рассматривались через призму даосских понятий «Тянь» и «Жэнь». Докладчик поднял вопрос о связи «практической религии» Толстого и с даосской категорией «Дао-дэ» в его понимании.

Литературный критик В. Бондаренко в докладе «Иосиф Бродский в тени Дао» рассмотрел влияние Дао на творчество поэта. Китай, китайские мотивы, китайская культура в той или иной мере сопровождали Бродского всю жизнь. Стихотворение «Письма династии Минь», по жанру исповедальное, историческое и философское, а по художественной выразительности — изумительное, проникновенное и лирическое, — хотя и не имеет отношения к китайским реалиям, но свидетельствует о познаниях поэта в китайской поэзии и культуре. Бродский знал и любил «Даодэцзин» Лаоцэ, понимал свой жизненный путь как свое Дао. Но для него династия Мин — это одна из самых жестоких династий в истории Китая. Однако при этом эпоха Мин характеризуется расцветом культуры, и прежде всего поэзии. Тем более, по словам докладчика, в стихах Бродского мы не видим какой-то изощренной жестокости эпохи. Одним словом, Бродский вполне с даосской точки зрения смотрел на китайскую традиционную культуру, и сам занимался творческой деятельностью «в тени Дао».

В заключение конференции вновь избранный президент Китайской ассоциации по исследованию русской литературы господин Лю Вэньфэй объявил о составе нового правления ассоциации и от имени всех членов выдвинул такие предложения: 1) организация раз в два-три года конференций ассоциации, 2) усиление международного научного обмена, 3) открытие сайта ассоциации в ближайшее время, 4) поддержка молодых ученых. На закрытии сопредседатели со стороны Китая и России (Ли Инна и В. Е. Вагно) выразили мнение всех участников: конференция прошла успешно и очень полезно. Это была по-настоящему торжественная церемония русской литературы в Китае.

© Ван Лиэ (КНР)

МЕЖДУНАРОДНАЯ МАСТЕРСКАЯ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ: ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ»

24—25 октября 2011 года на гуманитарном факультете Ивритского университета в Иерусалиме состоялась Международная конференция, или, как определили ее формат организаторы, мастерская (International Workshop) «Лев Толстой: после юбилея». Точкой отсчета для нее стали юбилейные толстовские события 2010 года, и прежде всего Международная конференция в Ясной Поляне, на которой Е. Д. Толстой, профессора Ив-

ритского университета, и В. М. Паперного, профессора университета в Хайфе, посетила мысль продолжить дискуссию о Толстом в Иерусалиме. Трансакция оказалась успешной.

С приветствием к участникам конференции обратился, открывая ее, декан гуманитарного факультета, профессор Реувен Амитай. Широкой аудитории была адресована публичная лекция «The State of Tolstoy

Studies Today» («Исследования Толстого сегодня») Донны Тассинг Орвин, президента Североамериканского Толстовского общества и в недавнем прошлом многолетнего редактора журнала «Tolstoy Studies Journal». Рассказав об успехе переводов Толстого в США и Канаде и о том, что он неизменно остается в «top ten» читаемых авторов, Донна Орвин сосредоточила внимание на вопросе восприятия творчества Толстого вне академических и университетских стен. Так, «Севастопольские рассказы», сказала она, входят в образовательную программу американских солдат в действующей армии, их читают и изучают в буквальном смысле на передовой, и это одна из возможностей, но далеко не единственная, сохранить наследие Толстого живым явлением современности.

Первое заседание «Толстой: рецепция, влияние, наследие», рассчитанное на интернациональную аудиторию, проходило на английском языке, впоследствии выступления звучали по-русски. В докладе «Британская и американская пресса об уходе и смерти Толстого», подготовленном на основе коллекций газетных вырезок из фондов Дома Толстого и Дж. Кенна Библиотеки Конгресса (США), Г. В. Алексеева (Ясная Поляна) представила публикации крупнейших английских и американских изданий («Times», «Daily Telegraph», «Sphere», «New York Times», «New York World» и других), которые с 10 ноября 1910 года подробно информировали читателей об уходе Толстого из Ясной Поляны, о его болезни и смерти на станции Астапово. Влияние Толстого в Британии и Америке 1880—1900-х годов, подчеркнула докладчица, было столь внушительно, что Теодор Рузвельт счел своим долгом предостеречь молодых американских писателей от чрезмерного увлечения толстовскими идеями, обвинив его в «моральном декадентстве» (в статье «Толстой» 1909 года в нью-йоркском журнале «Outlook»). Произведения Толстого в 1880—1900-е годы выходили большими тиражами во многих американских и британских издательствах, из Америки он получил около двух тысяч писем, из Англии — несколько сотен. Почти все новости о последних днях Толстого, разной степени достоверности, как отметила Л. Алексеева, шли со ссылкой на корреспондентов в Петербурге и Туле. Сообщениями о смерти писателя 20 ноября 1910 года толстовская тема не исчерпалась, до конца года толстовские материалы продолжали появляться в газетах Британии и Америки, и только на страницах лондонской газеты «Times», например, в период с 14 ноября по 16 декабря о нем было опубликовано 15 статей.

Андрей Рогачевский (Глазго) свой доклад «Толстой и ирландские писатели» посвятил главным образом поездке в Ясную Поляну в 1907 году ирландского писателя и критика Джона Рандолфа Шейна Лесли (Shane Lesly). Впечатления от встречи с Толстым

Лесли изложил в ряде очерков и писем (они опубликованы), докладчик же представил неопубликованные материалы из ГМТ и Национальной библиотеки Ирландии — письмо Лесли к Толстому, написанное вскоре после визита, письмо к матери с подробностями визита и записи бесед с Толстым «о серьезных вопросах» (Д. П. Маковицкий зафиксировал 19 ноября 1907 года: «...приехал Лесли, аристократ, ирландец-патриот 22-х лет, чтобы видеть simple life. Л. Н. поговорил с ним в кабинете о серьезных вопросах»). Еще одним ирландским гостем Ясной Поляны был журналист и переводчик Стивен МакКенна (MacKenna), посетивший Толстого в 1905 году.

Прикладным проблемам толстовской текстологии было посвящено выступление А. Г. Гродецкой (Санкт-Петербург) «„Воскресение“ Толстого: работа с рукописями». Промонстрировав автографы, правленные копии и корректуры последнего толстовского романа, докладчица рассказала об особенностях творческого процесса позднего Толстого, создающих для текстолога «совершенно исключительные трудности». Исключителен прежде всего объем рукописных и корректурных материалов «Воскресения» — свыше 7000 листов. Непрост для дешифровки и почерк Толстого, особенно в авторизованных копиях с плотной, многослойной авторской правкой. Главную же сложность создает «текучесть» рукописей, поскольку чистые листы копий и их вырезанные фрагменты перекладывались и переклеивались из рукописи в рукопись, существуя таким образом в составе разных редакций и вариантов. Радиализм толстовской правки, как отметила докладчица, был одной из причин неудержимого приращения и варьирования текста. Текст «Воскресения» известен в 8 редакциях, причем две последние сложились непосредственно в корректурах по ходу печатания романа в «Ниве» в течение 1899 года, вследствие чего повесть в 12 печатных листов выросла в роман в 30 листов. Дефинитивный текст романа, реконструированный в 1933 году в Юбилейном издании Н. К. Гудзием, с тех пор критическому пересмотру подвергнут не был.

Второе заседание, посвященное романтике Толстого — «Перечитывая великие романы», открыл В. М. Маркович (Санкт-Петербург) докладом «Субъективное авторское повествование и кризис реалистического нарратива («Воскресение» Льва Толстого)». Докладчик начал с тезиса о том, что толстовский повествователь, в отличие от повествователя у Тургенева, например, проявляет всезнание, аналогичное божественному. При этом у Толстого нет мотивировок, объясняющих и оправдывающих такое всезнание, тогда как тяготение к сплошной мотивированности представляет собой одну из универсальных примет реалистического нарратива. Обратившись к трем описанным Г. А. Гудковским последовательным историческим

трансформациям повествования в европейском романе, зафиксировавшим переход от перволичного повествования к объектно-безличному, В. М. Маркович выдвинул предположение, что странное, ничем не мотивированное всезнание повествователя у позднего Толстого есть не что иное, как проявление той же закономерности, составляя заключительное звено в цепи переходов от перволичного к безличному рассказу. Свойства «переходности» докладчик обнаружил у обладающего демиургическим статусом повествователя в прозе Карамзина и Гоголя. Форму повествования в «Воскресении» В. М. Маркович определил как «не субъективное, но осязаемое субъектное повествование»: его субъектность проявляется и как резкая оригинальность мировоззрения, и как агрессивный смысловой напор оценочно окрашенного повествовательного слова. Повествовательское всезнание не преподносится здесь как субъективное по своему происхождению (и, значит, ограниченное) представление о мире. Читателю предлагается не чье-то видение, а сама объективная истина в последней инстанции. Абсолютная прозрачность наррации ставит читателя лицом к лицу с тем, что представляется тому ничем не опосредованной реальностью.

«Давыдов первый дал тон правды» — эта запись Толстого времени работы над «Войной и миром» определила направление исследовательского интереса Донны Орвин (Торонто), выступившей с докладом «„Тон правды“ Дениса Давыдова в „Войне и мире“ Льва Толстого». Толстой внимательно изучал сочинения Давыдова, однако к оценке изображенной в них «правды» войны, как отметила докладчица, он пришел еще в 1850-е годы, и не без посредничества А. В. Дружинина. Рецензируя в 1860 году сочинения Д. Давыдова, Дружинин писал: «Все люди, ценящие правду, должны чтить Дениса Давыдова как разрушителя и оппонента нашей старой военной литературы с ее хвастливой и официальной бесцветностью». Статья Дружинина, по мнению Д. Орвин, побудила Толстого обратить более пристальное внимание на сочинения Д. Давыдова и еще более укрепила его приверженность творческим принципам последнего.

Барбара Леннквист (Турку) в докладе «„Присутствие“ Наполеона в салоне Анны Павловны Шерер» отметила, что уже на первых страницах романа главные толстовские персонажи предстают под особенным углом зрения — в их отношении к Наполеону. Восприятие Наполеона становится пробным камнем, выявляющую суть индивидуальности каждого из участников спора в гостиной Шерер. Детальному исследованию драматургии начальной сцены, являющейся своего рода «парадом» мнений, и был посвящен доклад. Разные толкования одного события и одного лица, по мнению Б. Леннквист, с самого начала разрушают установленный канон исто-

рического романа и предъявляют новый масштаб художественного подхода к самому феномену *знания об историческом процессе*. Читатель, помещенный в перспективу множественных восприятий одного явления, усваивает первую главную посылку толстовской эпопеи: история не имеет одного измерения.

Александр Жолковский (Лос-Анджелес) свой доклад «Толстовские страницы „Пармской обители“ (К острашению войны у Толстого и Стендаля)» начал с известного признания Толстого в беседе с Полем Буайе (1901): «Все, что я знаю о войне, я прежде всего узнал от Стендаля». Сопоставлению повествующих о сражении при Ватерлоо глав в романе Стендаля и бородинских глав в «Войне и мире» и был посвящен доклад при обещании автора «сосредоточиться на одном разительном различии, не получившем достаточного исследовательского внимания». К числу параллелей в двух романах А. Жолковский отнес *историческое событие* — в обоих случаях одно из решающих сражений Наполеоновских войн (Ватерлоо, Бородино), которое изображается с точки зрения сторонника одной из армий, проходящего некий инициационный квест. В обоих случаях *протагонист, носитель точки зрения* — аристократ (но не вполне законнорожденный), штатский, неопытный в военном деле, вдохновляющийся высшими целями. Его *идентичность* определяется в чуждой среде, с которой он жаждет слиться. Оказавшись на поле сражения, и Фабрицию, и Пьера становятся его наблюдателями/участниками и в *приобретаемом опыте* их ожидания отчасти подтверждаются, но в значительной мере опровергаются. Лейтмотивом двух текстов, по мнению А. Жолковского, является подрыв некоторых готовых представлений, их деромантизирующее острашение, отчасти сходное, но во многом различное. Натурализация этой острашающей установки служит как общая для двух протагонистов наивность в военных вопросах, так и их разные идентичности. Главное же различие двух повествовательных и разоблачительных установок в том, далее отметил он, что Стендаль глазами Фабрицию показывает сражение в основном «снизу», направляя жало демифологизации на средний и рядовой состав армии, а Толстой глазами Пьера «вровень и сверху» подрывает военные теории (и карьеризм) высших чинов, а рядовых солдат и боевых офицеров, наблюдаемых «снизу и вровень», героизирует. Особенно наглядно это различие проявляется в разработке «денежно-коммерческой стороны» фабулы, практически отсутствующей у Толстого, но настойчиво развиваемой (наподобие приходо-расходной ведомости) Стендалем. В главах о Пьере на Бородинском поле, подчеркнул А. Жолковский, нет ничего похожего, хотя Толстой охотно разрабатывал коллизии, аналогичные стендалевским, в кавказских и военных

рассказах, «Разжалованном», «Казаках». «Остается предположить, — заключил А. Жолковский, — что почти полное отсутствие материальных мотивов в главах о Бородине связано с двоякой центральной задачей, решавшейся в них Толстым: разоблачением несостоятельности военных теорий и героизацией патриотизма русских воинов. Мелочным расчетам там просто не нашлось места». В заключение докладчик указал на многочисленные, помимо военных сцен, переклички «Войны и мира» с «Пармской обителью».

Третье заседание «Аспекты толстовской прозы» началось выступлением Марии Плехановой (Рим) «К вопросу о происхождении устойчивых ассоциаций у Толстого (рассказ «Метель»)». Рассказ этот, заметила она, современная Толстому критика, за исключением Дружинина, и отчасти потомки восприняли как этюд, прекрасный, но довольно поверхностный. Между тем в «Метели» сложилась система ассоциаций, связанных для Толстого с предсмертным состоянием, вновь и вновь воспроизводившаяся в его творчестве — вплоть до «Смерти Ивана Ильича» через «Войну и мир», «Анну Каренину», «Записки сумасшедшего», «Хозяина и работника» и даже «Холстомера». В «сцеплении» ситуаций и мотивов документально-биографических, мифопоэтических, интертекстуальных и художественно-символических докладчица представила эту устойчивую у Толстого систему предсмертных ассоциаций.

Малоизвестные и чрезвычайно любопытные претексты детского рассказа Толстого представил А. А. Карпов (Санкт-Петербург) в докладе «О львах и собачках (в связи с рассказом Л. Н. Толстого)». Указав основной источник толстовского сюжета — сохранившуюся в яснополянской библиотеке популярную французскую детскую хрестоматию Л. Беранже и Э. Гибо, А. Карпов воссоздал длительную историю его бытования (с начала XVII века) как в Западной Европе, так и в России. В числе авторов естественнонаучных и нравоучительно-образовательных сочинений, обращавшихся к этому сюжету, были Ж. Моке, Ж. Бюффон, К. Г. Тессин, Л. Ж. Б. Манчини-Ниверне, Г. Брук, Г. Х. Рафф, И. Кизеветтер и другие. Кроме того, в европейских зоопарках имели место и реальные истории со «львами и собачками», попавшие на страницы газет и зафиксированные в записках путешественников (вплоть до Н. И. Греча). Как обобщил докладчик, разработка сюжета о дружбе льва и собачки на протяжении XVIII—начала XIX века обнаруживает возможность его трактовки в разных направлениях — социально-политическом, нравственном, естественнонаучном, философско-психологическом, функционирует этот рассказ и в качестве занимательного анекдота. Современные Толстому (например, у Некрасова) и послетолстовские варианты сюжета также заняли свое место в развернутой в докладе истории его бытова-

ния, позволив автору сделать вывод, что рассматриваемый сюжет превратился в общее место, *locus communis* европейской культуры.

Русских беллетристов, предшественников Толстого, в их общей предрасположенности к английскому семейному роману (и к протестантской положительности и домостроительству) указал в начале своего доклада «Женские образы в „Войне и мире“ и русская беллетристика 1830-х годов» Михаил Вайскопф (Иерусалим). Предшественниками, по его мнению, были автор «Семейства Холмских» (1832) Д. Н. Бегичев и автор «Постоялого двора» (1835) А. П. Степанов. Героиню, «прообразующую» Наташу Ростову, М. Вайскопф увидел у Степанова в юной княжне Серпуховской, которую отличала «почти птичья невесомость и подвижность» и «необычайная девичья витальность, таящая в себе зачатки и ангела, и грешницы». Впрочем, заметил докладчик, сам показ обеих этих прыгучих, поющих и взбалмошных героинь восходит, скорее всего, к общему источнику — к гетевской Миньоне. «Птичке-психее» Наташе противопоставил у Толстого Элен Курагина, в чей облик внедрены статуарно-языческие коннотации. Автор «Войны и мира», по мнению М. Вайскопфа, следовал здесь канону, отработанному еще французской католической философией реставрации и соединившемуся в романтической школе с новыми эстетическими ориентирами. Еще Шатобриан в своем «Гении христианства» противопоставлял языческому искусству, лишенному души и подлинного метафизического смысла, искусство христианское, наделенное, по его мнению, и тем и другим. Популярным, но все же более сдержанным аналогом этого взгляда была общеизвестная романтическая иерархия, согласно которой античная скульптура, сохраняя значение пластического эстетического идеала, в новой, христианской культуре вытеснялась двумерной живописью, раскрывавшей в себе спиритуальную сторону жизни, которой по-настоящему не знали древние. Предельным выражением этой спиритуальности, уточнил докладчик, романтики почитали музыку, но с ней, однако, у Толстого были свои сложные отношения, со временем результировавшиеся у него в агрессивный антиромантической «Крейцеровой сонате». Расхожая дихотомия древнего ваяния и новой живописи нашла отражение в целом ряде указанных докладчиком текстов 1830-х годов. Трансформированная оппозиция двух женских типов, как заключил М. Вайскопф, угадывается и в романе Толстого.

«Пишущий в прозаичнейшее время, создающий канон антиподической прозы, Толстой, как выясняется, отнюдь не отказывался от мифопоэтического письма», — так начала Елена Толстая (Иерусалим) свой доклад «Мифопоэтические мотивировки в черновиках „Войны и мира“». Откровенные в ранних

вариантов толстовских текстов, мифологические умыслы в характеристиках персонажей впоследствии оказываются, по мысли докладчицы, измененными или спрятанными в сплошь реалистически мотивированном тексте, однако продолжают его неявно насыщать. В качестве мифопоэтических и символических ключей к персонажам «Войны и мира» Е. Толстая прежде всего рассмотрела бестиальные сравнения. Иного рода мифопоэтическое наполнение обнаруживают персонажи, таких сравнений лишенные. Так, очевидная в ранних версиях латентная женственность князя Андрея может быть расценена как яркое проявление романтического идеала, тяготеющего к андрогинности. Снятие открытого символизма, сказала Е. Толстая, замена его сложнейшей игрой на побочных значениях, незаметных намеках и анаграммах создает ощущение присутствия скрытых смысловых уровней — той самой загадочной глубины, которая и стоит за эффектом повышенной жизненности, до сих пор чарующей читателя.

Общей для второго дня конференции стала тема «Толстой: взгляд из XX века».

В докладе Ляды Пановой (Лос-Анджелес) «*Cherchez la femme: Лев Толстой в прозе Михаила Кузмина*» речь шла о развитии того направления русской прозы, которое было задано «Анной Карениной», «Крейцеровой сонатой» и «Отцом Сергием». Предложенные Толстым решения, отметила докладчица, Кузмина убеждали скорее как художественные построения, нежели как идеологемы. Перенимая первые, часто в игровой форме, вторые Кузмин либо оспаривал, либо проблематизировал. Его нетрадиционная сексуальная ориентация, а благодаря ей и аутсайдерская позиция по большинству вопросов, подчеркнула Л. Панова, позволяли ему изображать персонажей, их реакции и поступки, их отношения между собой невовлеченно, глазом аналитика, вразрез с существующими конвенциями, что сближает его прозу с деконструктивным толстовским письмом. Хотя разоблачительный пафос Толстого (даже в откровенных антиженских выпадах) не был ему близок. В эссе Кузмина «Театр Л. Толстого» (1918) докладчица проследила его реакцию на статью «О Шекспире и о драме». Основное внимание было уделено принципу «*cherchez la femme*», действующему в «толстовской» серии прозы Кузмина, где встречаются и прямые, «лобовые» обвинения противоположному полу, и привлечение чужой цитаты, которой передоверена демонизация женщины, и наконец, изощренное растворение авторского мизогинизма в сюжете или деталях.

Предметом исследования в докладе Гаухар Дюсембаевой (Иерусалим) «Пастернак отмечает столетие Толстого» стал интерес поэта к Толстому, совпавший по времени с потоком юбилейных публикаций, но нашедший иное выражение. «Систематические» цита-

ты, в основном из толстовских романов, встречающиеся в этот период у Пастернака, иногда отсылают к одним и тем же эпизодам. Так, настойчивое совпадение преследуемого и преследователя, отмеченное Л. Флейшманом в ряде произведений Пастернака второй половины 1920-х годов, по мнению докладчицы, восходит к повторяющемуся у Толстого тождеству охотника и дичи (в «Казаках» и «Анне Карениной»). Г. Дюсембаева нашла также скрытые цитаты из «Войны и мира» и «Анны Карениной» в «Спекторском» и предложила новый комментарий к образу «дождя сценщика» в поэме.

С заслуженным вниманием был заслушан доклад Владимира Паперного (Хайфа) «Толстой и мистицизм». В религиозно-филологических трактатах позднего Толстого, отметил он, определение «мистический» употребляется достаточно часто и всегда несет в себе отрицательное оценочное значение неясного, противоречащего требованиям разума, надуманного и ложного. Именно таково значение этого слова в подзаголовке трактата «Царство божие внутри вас» (1890—1893), в котором Толстой дал систематическое изложение своих религиозных взглядов: «*Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание*». Расширительно-оценочное толкование понятия мистического, уточнил докладчик, лишало язык религиозной рефлексии Толстого возможности отчетливо вербального выделения мистицизма как некоторой особой религиозной традиции, однако это обстоятельство не означало, что Толстой специфику этой традиции не осознавал. Определив далее основные признаки религиозности мистического типа (для которого ключевым является концепт *тайны* — тайны Божества, тайны пути приобщения к нему — *via mystica*; тайны мистического познания — *гносиса*) и три стадии *via mystica*, к которым могут быть сведены конкретные представления о *пути* в различных мистических школах, В. Паперный пришел к выводу, что именно такую модель *via mystica* Толстой использовал в изображении духовного пути Пьера Безухова в «Войне и мире». Материал доклада последовательно представил обстоятельства трижды пройденной толстовским «случайным мистиком, мистиком поневоле» его *via mystica*. Оценивая итоги масонского обращения Пьера, сказал В. Паперный, Толстой иронически беспощаден. Моральный крах, которым завершается масонский путь Пьера, он связывает с ложностью масонства как моральной системы, отвергая вместе с тем в масонстве далеко не все. Он соглашается с главным постулатом масонского мистицизма: человек нуждается в перерождении, и оно возможно лишь как результат прохождения через смерть. При этом, однако, масонский мистический, символический, ритуальный и условный путь прохождения через смерть Толстой отклоняет: его герой, чтобы по-настоящему переро-

даться, должен встретиться с настоящей смертью. Второе вступление Пьера на *via mystica* происходит на батарее Раевского, и наконец, следующей стадией пути становится *выход* из сферы смерти — духовное воскресение, которое герой переживает в результате его спасительной встречи с Платоном Каратаевым. Нарратив мистического восхождения В. Паперный проследил и в сюжетной линии князя Андрея. В «Войне и мире», заключил он, масонский мистицизм изображается и оценивается двояким образом: понятый как социальное явление, он предстает как один из основанных на лжи механизмов социализации, скрепляющих элитарные группы русского общества; понятый как явление духовное, он предстает как выражение глубочайшего религиозного опыта Пьера и князя Андрея. Изображая этот опыт, Толстой естественным образом превращает некоторые элементы дискурса мистицизма в элементы своего литературного дискурса. С мистической традицией В. Паперный связал и ряд поздних произведений Толстого, придя к выводу, что религиозное мировоззрение позднего Толстого включало в себя определенную реакцию на традицию мистической религиозности, как оно включало в себя реакции на другие проявления человеческой религиозности. Характер этой реакции (как и во всех других подобных случаях) был конструктивно-отрицательным: отвергнув мистицизм как религиозный путь, Толстой ассимилировал в своей религиозной философии некоторые типологически основные элементы мистической религиозности. Как и мистики, Толстой строит свое здание на основании религиозного гносиса, свободного от априорной связанности догматами веры. Как и мистики, Толстой укореняет свой религиозный гносис в опыте выхождения человека за пределы его «земного» существования, в опыте смерти, переживаемой как переход в сферу «духовного» существования. Однако на этом пункте религиозный путь Толстого от пути мистиков решительно ответвляется, и Толстой создает систему, которая может быть определена как *контр-мистицизм*. В противоположность мистическому гносису, религиозный гносис Толстого не предполагает никакой возможности познания тайн внутренней жизни Божества. С точки зрения Толстого, человек вообще не может ничего знать о Боге *per se*, и ему доступно лишь познание «воли Бога» по отношению к его собственной жизни — воли, выражающейся в нравственном законе.

Евгений Сошкин (Иерусалим) в докладе «Искусство быть наивным как прием у Толстого» процитировал Канта, который в «Критике способности суждения» пришел к выводу, что «искусство быть *наивным* есть противоречие; однако представлять наивность в вымышленном лице возможно и являет собой прекрасное, хотя и редкое искусство». Ориентируясь на теоретические статьи моло-

дого Шкловского, докладчик предложил исследование одного из основных остраниющих приемов Толстого — *фигуры непонимания*. Применение фигуры непонимания у Толстого, отметил Е. Сошкин, переросло в метод, легший в основу всей художественной системы и со временем глубоко проникший в личность писателя. Примеры использования Толстым этого приема рассматривались в докладе поочередно для каждой из четырех выделенных его автором комбинаций, образуемых диегетическим и недиегетическим нарратором, персональной и нарраториальной точкой зрения. Фигура непонимания, подвел итог докладчик, в сущности представляет собой провокацию, приглашающую к смеху над субъектом непонимания. Но независимо от того, является ли это непонимание искренним или притворным, его субъект всегда служит проводником остранивающей фигуры, так что смех над ним обращается против смеющегося, неспособного увидеть вещь как будто в первый раз. Всегдашняя серьезность Толстого обусловлена его иронической позой, т. е. наружной демонстрацией противоположного тому, что составляет его подлинную интенцию. Именно поэтому он уязвим для насмешек только тогда, когда не пользуется остранинием. И наоборот — если осмеянию подвергается прием остраниения, то насмешки не попадают в цель.

О яркой и цельной личности Никиты Ильича Толстого, о его научной биографии, как и о биографии молодого поколения окружавших его сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, рассказал Вольф Москович (Иерусалим) в «Воспоминаниях о Н. И. Толстом, хранителе традиций рода Толстых».

Седьмое заседание «Толстой в еврейской и израильской перспективе» открыл доклад Хамуталь Бар-Иосеф (Иерусалим) «Леа Гольдберг и Лев Толстой». Обобщив многочисленные творческие (мемуарные, дневниковые и иные) автосвидетельства израильской поэтессы, критика, переводчицы, родившейся в Кенигсберге и в 1935 году переселившейся в Палестину, докладчица рассказала о ее еще в детские годы возникшем увлечении. С 1949 года Леа Гольдберг работала над переводом «Войны и мира» на иврит (издан в 1953), позднее читала о Толстом курсы лекций, выступила с циклом радиопередач о нем и создала о творчестве писателя несколько литературно-критических статей. Главной темой этих статей, отметила Х. Бар-Иосеф, стали не биография и не стиль Толстого, а его отношение к тому, что Гольдберг понимала как «основные проблемы человеческого существования»: его убеждения, его взгляды на отношения между личностью и обществом, личностью и историей, живым существом и космосом. По ее словам, Толстой искал связи между физическим восприятием отдельного мгновения и неизменностью порядка в мире Творца. В Тель-Авиве Леа Голь-

дберг принадлежала к кружку левых литераторов, веривших в марксистские и советские идеи, но осталась при этом верной историческим воззрениям Толстого. Создавая академические и публицистические тексты о Толстом, заключила докладчица, Леа Гольдберг обрела самое себя. Толстой был несущей опорой ее внутренней жизни и главным ее литературным контекстом, и ей суждено было стать важным мостом между Толстым и израильским читателем.

Сергей Жук (Манси, США) в докладе «Русские еврей-толстовцы, украинские крестьяне-евангелисты и основание Ивритского театра в Нью-Йорке, 1880—1898» развернул перед коллегами поразительный исторический сюжет. Фанатичным последователем Толстого в нем предстал Яков Гордин, стремившийся соединить этику иудаизма и религиозную этику Толстого и основавший в 1877 году на Украине под влиянием толстовских идей «Духовное братство», которое в 1888 году было зарегистрировано как сельскохозяйственная община. С толстовцами других направлений Гордина объединяли общие принципы ненасилия в воспитании и обязательной трудовой активности. Главной целью Братства объявлялось религиозное просвещение евреев, превращение их в живущих на земле фермеров с последующим преодолением «зловредного ростовщичества и всяких финансовых еврейских спекуляций». Преследуемый полицией, под давлением православного духовенства, Гордин был вынужден эмигрировать, безуспешно пытался создать сельскохозяйственную толстовскую колонию в США, позднее основал в Нью-Йорке еврейский театр, на сцене которого шли толстовские драмы, и переводил на идиш романы Толстого (под псевдонимом Иван Колочий).

Доклад Инессы Меджибовской (Нью-Йорк) «Толстой и еврейский вопрос» представил результаты ее архивных, документально-исторических и теоретических изысканий за несколько последних лет. Уже давно назрела необходимость, сказала она, вести дискуссию о Толстом и еврейском вопросе, взятом как широко, комплексно, так и сугубо контекстуально, продолжая изучать и анализировать данные о том, когда и при каких обстоятельствах Толстой высказывался об этом вопросе, как его понимал и к какой

аудитории адресовался, обсуждая и дискутируя его. Прямых свидетельств о выражении Толстым мнения при еврейском вопросе довольно мало, заметила докладчица, их поиск, выявление, как и анализ их аутентичности должны продолжаться. В докладе тем не менее была развернута история многообразных контактов Толстого и в остром идеологическом контексте представлены многочисленные документальные свидетельства. Толстой, как отметила И. Меджибовская, предпочитал стоять в стороне от массовых кампаний, касавшихся сугубо еврейских проблем (как процесс Дрейфуса), а в отношении к иудаизму как мировоззренческой системе придерживался историко-философского взгляда. Только чуткость к историческому моменту и чувство ответственности, подчеркнула докладчица, могли подсказать Толстому не «разбрасываться» еврейской темой в печати, а вводить ее в художественный и полемический обиход так, чтобы она обрела жизнь вне черты оседлости, равноправно с другими насущными темами современности. Его отношение к еврейскому вопросу как в силу своей независимости, так и в силу своей искренности не вписывается в узкие шаблоны и каноны, школы мысли и идейные течения, к которым примыкали как наиболее выдающиеся, так и наиболее одиозные его современники и соотечественники. Поражает в отношении Толстого к евреям и еврейству совершенно уникальная ровность, отстраненность от выполнения роли дидакта, панибрата или эдакого авторитарно-покровительственного генерала властвующей нацкультуры. Как и во многих других вопросах, во взглядах на еврейский вопрос, как он его понимал, Толстой оказался вперёдсмотрящим, стоящим вне черты оседлости своего времени.

О специфике преподавания в Израиле русской литературы, в том числе и толстовской прозы, рассказала Елена Римон (Ариэль). Последнее послеюбилейное заседание завершил показ документального фильма Сары Винтер (Нью-Йорк) «Tolstoy's Living World» («Живой мир Толстого»).

По материалам конференции готовится сборник статей «Лев Толстой в Иерусалиме».

© А. Г. Гродецкая

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ И. С. АКСАКОВА «ДЕНЬ»

27 октября 2011 года Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени (далее: ЦТН) провел научную конференцию, посвященную 150-летию газеты И. С. Аксакова «День», выходившей в Москве в 1861—1865 годах. Вре-

мя проведения конференции точно совпало с днем выхода первого номера этого издания. Теплым вступительным словом собравшихся приветствовал Б. Ф. Егоров, отметивший, что в конференции принимают участие представители четырех поколений ученых, зани-